ПОЯРКОВ Ф.

ПОСЛЕДНИЙ ЭПИЗОД ДУНГАНСКОГО ВОССТАНИЯ

(Маленькая страница из прошлой жизни Семиречья).

(Так называемое в новейшей истории знаменитое дунганское восстание обнимает собою время около 18-19 лет. Точно и до сих пор не удалось установить время, когда именно оно началось. Одни писатели относят начало его к 1860-1861 годам, другие года на два позже, т. е. к 1863 г. По сведениям, собранным нами от самих дунган, мы должны отнести начало их восстания к 1861 году. Сообщаемые здесь факты собраны нами от самих дунган, участвовавших в восстании и игравших в нем видную роль. Точно также часть сведений нами собрана от очевидцев русских, бывших первыми свидетелями прибытия их в русские пределы. Сообщаемые факты обнимают собою время со дня прихода дунган в укрепление Нарын и до водворения их в Пишпекском уезде Семиреченской области.)

«Ей, Господи, Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего».

(Из молитвы Ефрема Сирина).

«Еже ся описах, еже не дописах, еже переписах,
чтите и исправляйте, Бога для, не кляните».

(Из летоп. Нестора).

I.

Осень 1877 года в южной части Семиречья, а именно в Пишпекском (прежде Токмакском) и Иссык-кульском (ныне Пржевальском) уездах была с самого начала замечательно холодная и дождливая. Со второй половины сентября почти каждый день беспрерывно шел дождь и в последних числах стал уже падать снег; такая погода с незначительными промежутками продолжалась и в течении всего октября, с тою только разницею, что чаще падал снег. С каждым дном становилось все холоднее и холоднее, тяжелые свинцового цвета тучи написали все ниже и ниже, густой туман непроницаемой пеленой уже давно скрыл от взоров не только вершины могучего Александровского хребта, но и мелкие отроги и невысокие предгорья были покрыты снегом. В первой половине ноября [2] уже установилась настоящая зима, как в России или Сибири. Снегу выпало везде много, не только горы и ущелья, но и долины на далеком расстоянии от гор были покрыты глубоким его слоем. Декабрь месяц был еще более снежный и холодный, редкий день проходил без буранов. Небо все время сплошь было покрыто серыми облаками, которые становились еще мрачнее и тяжелее и спускались еще ниже над землею. Солнце редко выглядывало из-за туч, а если и показывалось иногда, то лишь на короткое время, притом оно выглядело таким бледным, жалким и маленьким, что совсем не грело. Все это приводило в немалое смущение бедных кочевников. Наступившие ранние холода и большое количество выпавшего снега застали киргизов врасплох, и эти вольные сыны степей, еще так недавно беззаботные и беспечные, поневоле должны были, что называется, съежиться, войти в себя, замкнуться. Неслышно стало по аулам веселой речи взрослых, беззаботного, невинного смеха детей, а постоянные серые дни еще более наводили на всех тоску и уныние; с каждым днем они становились более и более печальными, угрюмыми и скучными. Движения их сделались вялы и нерешительны, в голосе каждого слышались недовольство и раздражительность, а в тусклом взгляде выражалось отчаяние и полная беспомощность. Перед грозно разыгравшейся стихией, все присмирели и приумолкли, невольно предчувствуя тяжелую беду... и предчувствие это не обмануло бедных кочевников. По словам старожилов-туземцев, таких продолжительных, и притом рано начавшихся холодов, и такого большого количества выпавшего снега еще не бывало на их памяти; все недоумевали ввиду появления столь ранней и притом необыкновенно суровой зимы и терялись в объяснении причин ее появления; хотя предположениям и догадкам не было конца, большинство наконец успокоилось на том убеждении, что это русские принесли с собою такую суровую и жестокую зиму, ибо до прихода последних ничего подобного никогда у них по бывало, и странное дело, это объяснение всем пришлось по душе, все кочевники в простоте сердца и своего детского ума этому поверили и на этом успокоились. Положение их однако ж не улучшилось. Понятное дело, что такая зима сразу же дала себя [3] знать тяжело и больно киргизам-кочевникам. По примеру прежних лет рассчитывая на теплую зиму, они и не думали запасаться достаточным количеством корма для скота, но не приготовили также удовлетворительного количества запасов продовольствия для себя, почему имевшиеся небольшие запасы того и другого скоро у них истощились, и скот, это главное богатство киргизов, начал падать, сначала более крупный, т. е. лошади и быки, а вслед за сим начали валиться и бараны — этот почти единственный и главный источник питания и благосостояния наших кочевников. И таким образом к существовавшим уже ранее среди них беднякам, вскоре прибавилось очень много новых. Богач здесь находится в зависимости исключительно от благоволения к нему сил природы. Но более других своих собратьев страдали киргизы, жившие в при-нарынских волостях: им особенно приходилось тяжело и жутко!.. Не занимаясь почти нисколько посевом, живя же исключительно скотоводством, они обыкновенно в начале, а иногда и в средине осени отправлялись за покупкою хлеба в другие более хлебородные места, главным же образом в сел. Токмак, но на этот раз не успели сделать вовремя даже тех небольших запасов хлеба, которые они при своей обычной беспечности делали обыкновенно ранее, так как глубоким снегом завалило все проходы, и бедные киргизы оказались крепко запертыми в своих узких долинах. Вскоре они поняли весь ужас своего положения; но парализованные постигшим их бедствием, они не в состоянии были помочь сами себе, — а другие, более счастливые, совсем не знали об их тяжелом положении, вследствие отдаленности и невозможности проникнуть к ним за отсутствием в такое время года каких бы то ни было путей и средств сообщения; но менее всего эти несчастные могли помочь сами себе...

Одно несчастий обыкновенно влечет за собой другое, так было и в данном случае. За падежом скота скоро обнаружился недостаток в хлебе, запасов которого, правда, и ранее у них бывало всегда не много, но за тем скоро появился недостаток и в топливе... Никогда не запасая последнего, они оказалось погребенным под толстым слоем льда и сверх того покрытым глубоким [4] снегом, заваливавшим его с каждым днем все глубже и глубже и несчастной, изнуренной голодом и холодом бедной киргизке сделалось наконец не под силу добывать это топливо, чтобы хотя немного согреть свою страждущую семью. — Не одну из них находили при таких условиях замерзшею и лишь только отчаянные и дикие вопли бедных детей, измученных ожиданием долго невозвращающейся матери, далеко разносились ветром, давая знать соседям о новой унесенной жертве, о новом несчастии, постигшем их собратьев, и окружающие еще более падали духом. Страдая от холода и терпя голод, бедные кочующие сыны степей кое как жались в своих юртах, расставленных в узких и глубоких долинах при-нарынских гор. Жалобно ревела по аулам скотина, слабо разгребая своими обессилевшими ногами глубокий снег и глухо стуча копытами о толстую ледяную кору, под которою скрывался столь желанный дорогой корм. Чаще и чаще ранним утром наступающего дня раздышался резкий плач и отчаянный вопль киргизок — жен и матерей (У киргизов Пишпекского уезда (собственно кара-киргизов) есть обычаи, что жены по своим умершим мужьям и близким родным с наступлением утра, обратившись лицом на запад, громко плачут. Плач этот ранним утром далеко разносится по степи.). Был ли то плач о преждевременно унесенных в могилу жертвах или это был плач о собственном тяжком и несчастном положении как самой себя, так и окружающих ее, еще оставшихся в живых, и которых ожидает в скором времени такая же печальная участь, сказать трудно. Но тщетно плакали и взывали эти люди о помощи, а беспрестанно господствовавшие вьюги и снежные бураны точно еще более старались заглушить постигшее их бедствие, чтобы никто не слышал ни жалобных стонов животных, ни раздирающих душу людских воплей; разыгравшиеся и разбушевавшиеся в своей ярости стихии как будто задались целью, чтобы сюда не проник ни один взгляд сострадания, ни одно слово участия, и одни только угрюмые вековые скалы и утесы, укутанные густыми серыми тучами, низко нависшими над землею, были безмолвными свидетелями человеческих проклятий и слез. Длинными и до боли однообразно скучными кажутся этими беднякам [5] короткие зимние дни, но еще более мучительно бесконечными тянутся для них длинные ночи, а к вечеру тучи еще сильнее сгущаются, они еще ниже спускаются над долинами и тяжелее давят, а ветер, постепенно усиливаясь, переходит в яростный и страшный буран, длящийся почти всю ночь, разнообразные завывания которого расстроенному воображению голодного кочевника представляются сонмищем злых духов, злобно издевающихся над его бессилием и беспомощностью, и бедняку-киргизу кажется, что само небо в эту минуту неспособно услышать обращенных к нему его горячих молитв, если бы только они могли молиться в эти минуты.

Страшен голод в странах культурных и благоустроенных, но здесь люди обладают быстрыми способами передвижения и могут поэтому довольно скоро подать один другому руку помощи и тем спасти своего ближнего от страшной и мучительной смерти, но невозможно себе представить, во сколько раз страшнее и ужаснее голод в странах диких или мало культурных, где пути сообщения плохо устроены или же находятся в зачаточном состоянии, и где на пути стоят во всеоружии грозные естественные преграды, трудно преодолеваемые в известное время года, а для народа пастушеского они совсем и непреодолимы; в таких странах и в таких случаях о подаче быстрой и скорой помощи нуждающимся не может быть и речи и, как напр. голодающим кочевникам, живущим в своих небольших и узких долинах, окруженных со всех сторон исполинскими горами, ущелья которых и проходы завалены глубоким снегом, в подобных обстоятельствах, правда к счастию редко случающихся, они исключительно предоставлены самим себе, почему и весть об их мучениях и переносимых ими жестоких страданиях редко когда своевременно доходит до цивилизованного мира, если же и случается, что узнают об этом, то узнают, по большей части, слишком поздно, когда всякая помощь оказывается уже ненужной и бесполезной. Почему страшные мучения голода здесь еще более усиливаются от горького и тяжелого сознания своей полной изолированности и отчужденности от всего остального мира! [6]

Трудно, конечно, сказать, какие картины и образы проходят в воображении таких несчастных страдальцев, но только мысль о надежде на помощь остается им чуждой, и в расстроенном их воображении проходят только картины одна другой мрачнее и тяжелее; прекрасные и роскошно цветущие в летнее время их родные долины, полные неги и ласки, — теперь им представляются дном могилы, а массивные и величественные хребты гор, уходящие в заоблачную высь небес, кажутся им не более как высокими и мрачными стенами той же могилы. Беспомощность и безнадежность полнейшие! В описываемую нами зиму страшное несчастие - падеж скота и голод — постигло отдаленные и глухие наши аулы, главным образом пострадали аулы нескольких при-нарынских волостей, и несчастные кочевники, очутившиеся в таком безвыходном и горьком положении, только плакали, молились и посылали проклятия, но все это было тщетно, природа в своем грозном и суровом величии точно торжествовала и издевалась над бессилием и беспомощностью этих жалких и ничтожных людей, точно она жаждала их слез, молитв и проклятий!.. Но не одним этим киргизам приходилось так плохо в роковую зиму 1877 года, было немало еще и других несчастных страдальцев.

II.

В последних числах декабря, многие даже точно называют день, а именно 27 или 28 число, того же несчастного, но к счастию для многих уже оканчивавшегося 1877 года, когда уже день склонялся к вечеру, в укрепление Нарын, утопая по пояс в снегу, совершенно неожиданно прибыла толпа людей обоего пола и всякого возраста, начиная от грудных младенцев и кончая восьмидесятилетними стариками. Определить теперь численность прибывших в то время трудно, так как верных и точных сведений об этом нигде по имеется; сами прибывшие также говорят различно, одни передают, что их было не менее шести тысяч человек, другие называют цыфру еще большую, а третьи напротив показывают гораздо меньшое число, но из показываемых чисел взяв среднее, надо полагать, что их прибыло не менее трех с половиною или [7] четырех тысяч душ обоего пола. Прибывшие поистине являли собою вид ужасный, у многих из них были отморожены руки и ноги, более счастливыми считали себя те, кто поплатился легким ознoблением лица и ушей; у других рядом с свежими и широкими рубцами были видны также новые, еще незажившие и гноящиеся раны; судя по форме последних, они причинены были самым разнообразным и разнохарактерным оружием; у некоторых из прибывших эти раны были перевязаны кое какими грязными, нередко разноцветными, тряпками, а у большинства даже совсем ничем не прикрыты. Одежда по форме и покрою как у мущин так и у женщин ничем особенным по отличалась, не отличалась она и по цвету. На каждом почти можно было встретить китайского покроя халаты, стеганые на вате, одежду же подбитую каким либо мехом, хотя бы и недорогим, довольно редко можно было видеть на ком либо.

Все женщины, как и мущины, одеты были в широкие ватные штаны, плотно завязанные тесемками у ступни. Обувь же была более разнообразна и разнохарактерна, и, лак видно было, она скорее зависела от степени находчивости и изобретательности владельца своего, нежели от его средств и достатка. Начиная с китайских башмаков и кончая одними чулками, сшитыми кое как из куска необделанной овчины шерстью внутрь — это была конечно лучшая обувь, но у очень многих совсем невозможно было определить ни формы обуви, ни материала, из которого она была сделана; у других ноги были обвернуты в кое-какие тряпки, из под размотавшихся концов которых виднелись отмороженные пальцы их несчастного владельца; у некоторых обувью, вернее подметками, служили только небольшие деревянные дощечки, привязанные к ступне тонкими веревками, нередко даже волосяными, а у менее счастливых и такой обуви не имелось... Громадное большинство из числа прибывших шло пешком, так как не только для всех женщин и детей недоставало лошадей и быков, но их недоставало даже и для наиболее ослабевших и выбившихся из сил полузамерзших стариков и женщин с детьми. Окоченевшие от холода и изнуренные голодом и продолжительностью и трудностью [8] пути, они с трудом передвигали ногами, и некоторые из них, напрягая последние усилия и одолев несколько бесполезных шагов, падали тут же на глубокий и мягкий снег, чтобы более уже никогда не вставать, — прочие проходили мимо них, как бы ничего не намечая, да в течение столь долгого времени они по-видимому уже и привыкли к подобным картинам, так как никто на это не обращал внимания; среди пришедших это было, как видно, обыденным явлением, да и помочь горю, облегчить страдания своих ближних более здоровые из них были не в состоянии. Обессиленные матери не в силах были держать своих полузамерзших грудных детей, и последние незамеченными часто выпадали из их окоченевших рук. Ужас и отчаяние читались на лицах прибывших... и улицы всегда глухого и пустынного небольшого укрепления Нарына огласились вдруг тысячами душу раздирающих воплей... Вглядываясь в эту пеструю и чуждую для непривычного глаза толпу, невозможно себе не только нарисовать, но и сколько нибудь удовлетворительно представить полную картину тех мучений, борьбы и тех тяжких лишений, которые переносили эти люди. Только одна жестокость людская, бесконечная и безграничная в своей злобе и ненависти, способна заставить себе подобных в такое совсем неурочное время года переходить с дряхлыми стариками и грудными детьми Тянь-шаньские высоты, трудно переходимые даже в лучшую пору лета, так как большинство горных проходов и перевалов, заключающихся в горах Тянь-шаня, только летом, да и то на очень короткое время, свободны от снега, все же остальное время года они покрыты глубоким снегом, почему и равнины, узкие и короткие, заключающиеся между этими перевалами, в течении восьми-девяти длинных месяцев, представляют собою одну только сплошную снежную пустыню... Тихо и мертво здесь вокруг на далекие расстояния... За рядом высоких гор с остроконечными пиками открывается другой ряд гор еще более высоких и еще более массивных, вершины которых теряются в бесконечной выси, и кажется, что и конца им нет. Тишина здесь нарушается только воем ветра да глухим шумом где-то далеко внизу быстро катящейся горной речки. Холодом [9] леденящим кровь, и смертью веет от этих массивных скал... Ничто здесь не напоминает о жизни, о человеческом приюте; жалким и беспомощным здесь кажется гордый человек. Пустыни — это смерть и человеку здесь не место. И нужно только удивляться, как все эти люди не погибли и не очутились погребенными под снежными сугробами вечно сурового и величественно-мрачного Тянь-шаня, — но жертв действительно было не мало между этими несчастными. Так на Таша-рабатском перевале их застиг страшный снежный буран (Перевал Таш-рабат находится на высоте одиннадцати тысяч футов над уровнем моря.), после которого они недосчитались ста с лишним взрослых мущин и женщин, кроме грудных детей. Ни сколько не преувеличивая, а, как передавали мне сами участники, каждый сделанный ими здесь шаг оплачивался не одною жертвою, не одною человеческою жизнию. Горячие мольбы, соединенные с проклятиями, и слезы были здесь бессильны. Был момент, когда казалось, что вся эта толпа людей, в несколько тысяч человек, на всегда останется здесь, погребенная на веки под мягким снежным покровом, — в борьбе с грозной и могучей стихией энергия и силы этих людей подкосились, упали... момент был опасный и роковой, когда эта многотысячная толпа, закоченевшая от холода и голода, застыла, остановилась, не имея сил двигаться далее, и только благодаря находчивости и присутствию духа любимого своего предводителя и вождя *Биян-ху*, который в минуту крайней опасности не потерялся, все они остались живы. Энергия и мужество одного спасли всех...

К вечеру говор и плач, так неожиданно прибывшей в укр. Нарын толпы людей, несколько приутихли. С близ лежащих гор они нарубили дров, разложили костры и вот ярко запылали огни в различных местах; бросая длинные фантастические тени от толпы греющихся людей, собравшихся большими кучами вокруг этих костров. В небольших казанах они готовили себе незатейливый ужин, во многих из них варилась между прочим мелко изрезанная кора, содранная со срубленных деревьев, другие, не дожидаясь, пока поспеет это кушанье, [10] грызли с удовольствием сырую пору, как малые так и большие! Рады были и этому!...

Но подойдем же теперь поближе и спросим, что это за люди и как они дошли до жизни такой. Люди эти, прибывшие столь неожиданно в наше пограничное укрепление Нарын и в такое совсем неудобное для массовых передвижений время, были *дунгане*, по религии магометане. Спасаясь от страшной мости настигавших их китайских войск, более их многочисленных и гораздо лучше вооруженных, эти самые дунгане, после энергичной и тяжелой героической восемнадцатилетней борьбы с ними, вынуждены были бежать из пределов Китая, и в частности из Кашгара, и искать себе, покровительства и защиты в пределах Великого Русского Государства, о силе и могуществе которого они были уже давно и много наслышаны, о чем не раз между прочим свидетельствует в своих трудах и первый наш исследователь природы Центральной Азии знаменитый путешественник Н. М. Пржевальский. Сильно влекло их обаяние доброты и могущества Великого Белого Царя, слава о котором уже давно распространилась и укрепилась в самой глубине Центральной Азии и между самыми отдаленными подданными Срединной Империи, как о том повествует тот же путешественник в своем «Четвертом путешествии по Центральной Азии».

Этим именно эпизодом, т. е. прибытием дунган в укрепление Нарын и закончилось так называемое знаменитое в новейшей истории и ужаснейшее по своему кровопролитию дунганское восстание, длившееся с небольшими перерывами около восемнадцати-девятнадцати лет, и таким образом могущественная Китайская империя могла теперь успокоиться от внутренней неурядицы, обуревавшей ее столь продолжительное время, по крайней мере, на сто лет, так как восстания мусульман, находящихся в подданстве Китая, по замечанию покойного проф. Григорьева (Восточный Туркестан проф. Григорьева, том второй.), сделались явлением периодическим и стали повторяться с правильностью через каждые сто лет. Но несмотря однако на окончательное подавление восстания, гордые и самоуверенные сыны Поднебесной Империи чувствовали себя [11] далеко неудовлетворенными, причина чего заключалась в том, что им не удалось схватить знаменитого дунганского вождя и предводителя *Биян-ху* или по транскрипции покойного проф. и академика В. П. Васильева *Боянхо*, и самолюбие китайцев поэтому жестоко и сильно страдало. Душа дунганского восстания и руководитель его это именно был *Биян-ху* почему говоря, о восстании дунган справедливость требует в то же время сказать несколько слов и об их главном предводителе, как человеке, выдающемся из их среды и на котором внимание всего Китая было сосредоточено не менее по крайней мере пятнадцати лет, но им в свое время интересовались и другие, правда очень немногие и далеко живущие от Китая, как говорит о том проф. В. П. Васильев.

III.

Мусульманское имя Биян-ху Магомет-Аюб. О детстве его и молодых годах нам не удалось собрать никаких точных сведений, по крайней мере лица, близко знавшие его при жизни, ничего особенного не могли передать о нем, почему надо полагать, что в ранние годы жизнь Биян-ху от остальных его сверстников не отличалась ничем особенным или выдающимся, очевидно — жил и рос он как все прочие его сверстники и единоверцы.

Не удалось также с полною достоверностью узнать и место его рождения. Одни дунгане говорят, что он родился в Пекине, другие считают его родиной одну неизвестную и мало населенную деревушку Ван-чацзун в провинции Синаньфу, а третьи утверждают, что он родился в городе Чан-гу-сян, где отец его был городским старостой. Замечательно, что об этом говорят различно даже ближайшие его родственники в том числе и родной сын его. Разногласие это по-видимому объясняется тем, что отец Биян-ху довольно долгое время жил со своей семьей в Пекине и только незадолго до восстания он переселился в провинцию Гань-су, населенную главным образом китайцами-мусульманами или что тоже — дунганами. Провинция эта как известно сделалась впоследствии одним из главных очагов мусульманского инсуррекционного [12] движения, причинившего так много хлопот и забот китайскому правительству.

Из рассказов мы узнаем, что Биян-ху по своему получил порядочное книжное образование и знал будто бы несколько китайский книжный язык и, если знал не все сорок тысяч китайских иероглифов, то все же некоторая часть ему была знакома, почему и мог поспорить в учености с мандарином средней руки. Другие же говорят, что Биян-ху совсем был неграмотный человек. По словам дунган, и это все подтверждают, у отца его была порядочная библиотека, состоявшая из китайских и мусульманских книг; библиотека в последствии перешла к Биян-ху, которою он дорожил и привез с собою в Россию; быть может часть ее вследствие продолжительной походной и боевой жизни была растеряна, а часть ее, как нам передавали, была расхищена и истреблена после смерти самого Биян-ху, так что, несмотря на все наши поиски и старания, никаких следов или остатков этой библиотеки не удалось найти и об этом тем более приходится пожалеть, что между этими книгами находились записки самого Биян-ху, содержание которых будто бы заключало в себе подробную историю дунганского восстания.

19 лет от роду Биян-ху был выбран на должность управителя одного довольно большого и видного участка в Пекине. Сын его передает, что на эту должность он был выбран единогласно всем мусульманским населением Пекина. Как бы там ни было, но уже этот факт сам по себе говорит за то, что Биян-ху начал рано выделяться среди своих сверстников, и такое доверие, оказанное ему уже в очень молодых годах, он, как передают, оправдал самым блестящим образом. Благодаря этому обстоятельству, ему рано пришлось развернуть свои недюжинные способности; энергией, неподкупною честностью и справедливостью он скоро заслужил себе всеобщую любовь и неограниченное доверие своих единоверцев. Из частых и продолжительных наших расспросов о Биян-ху и характере его управления, мы вынесли убеждение, что он слабого старался не давать в обиду сильному, бедняку помогал, оскорбленного удовлетворял, простой и бездомный ли малайка (работник) или [13] же богатый и пользующийся всесильным влиянием ахун для него были все равны; и этом заключалась нравственная сила Биян-ху и его неотразимое обаяние на своих единоверцев; таким дунгане и воспевают его теперь в своих песнях. Этот в наших глазах полудикарь и чуть ли не варвар, был глубоко и нераздельно всей душой предан своему народу и его интересам; он жил его радостями и его страданиями и все, что имел, отдавал нуждающимся; менее всего он заботился о себе и своих личных интересах, ему чужды были мелкие расчеты. Всякая несправедливость, нанесенная китайцами какому либо дунганину, глубоко задевала его за живое, почему всякую даже самую ничтожную обиду редко оставлял не опротестованной или неотомщенной, и при всяком случае настойчиво домогался и требовал удовлетворения, вследствие чего всем ближайшим китайским властям он надоел до невозможности, и последние стали им тяготиться и жестоко его за это возненавидели. Из рассказов дунган мы знаем, что Биян-ху сначала пробовал искать удовлетворения законным путем, но убедившись в невозможности этого, начал мстить им всеми возможными и зависящими от него средствами, и делал это так ловко и искусно, что китайские власти долгое время не подозревали настоящего виновника и руководителя их. Не один китаец, по его приказанию, был спущен темною ночью с камнем на шее в мутные волны глубокой реки Хуан-хэ. — Должно сказать, что чувство мести сильно развито в дунганах, это составляет отличительную черту их характера; дунганин поэтому никогда не прощает нанесенной ему кем бы то ни было обиды, — одинаково будь то свой единоверец или же совсем посторонний — и в Биян-ху эта черта характера была сильно развита, но, как передают, исключительно по отношению к иноверцам.

IV.

Вскоре после избрания Биян-ху в управители началось в Китае восстание тайпингов. — Здесь нам приходится коснуться причин восстания дунган, и о нем мы будем говорить словами дунганского доктора Лико-куя, который по нашей просьбе написал краткую записку о [14] восстании дунган и его причинах, с указанием наиболее главных мест, где происходили побоища противников. Мы будим держаться точной передачи этой записки. Перевод ее сделан по нашей же просьбе покойным переводчиком китайского языка М. В. Сташковым. Кроме того мы располагаем сведениями, собранными от различных дунган, непосредственных участников и руководителей восстания.

«В первый же год царствования императора Тун-джи 25 числа третьей луны тайпинги (Чан-мо), пишет Лико-куй, в числе около тридцати тысяч человек заняли провинцию Шань-си и начали резать китайцем, жечь их жилища и кумирни. В это время и дунгане сильно боялись тайпингов. В Синаньфу было послано китайским правительством 2000 челов. войска против тайпингов; в ущелье Хун-Куань-чун они и сразились. Тайпинги, встречая дунганские селения и мечети, не трогали их, а также не трогали они китайцев-католиков и здания им принадлежащие, почему у китайских властей явилось подозрение, скоро перешедшее в уверенность, что дунгане и тайпинги действуют в союзе между собою заодно, о чем китайские чиновники последовательно сообщили один другому и донесли высшему начальству. 10 числа четвертой луны китайцы зарезали тринадцать челов. дунганских торговцев, той же луны 13 числа они зарезали девятнадцать челов., 14 числа зарезали трех человек главных торговцев и еще в короткое время было зарезано несколько человек в различных местах провинции Шаньси. Видя и слыша это, на нас напал большой страх и трепет. В это время наши пожилые люди и старики сделали совещание и 22 числа той же четвертой луны сто человек выборных наших поехали жаловаться императору, доехали до провинции Тун-чо-фу, где из них семьдесят восемь человек были зарезаны, а остальные двадцать два человека спаслись каким-то чудом.

«24 числа прибыло китайское войско в селение Ван-ча-цзун, чтобы перерезать живущих в нем дунган, которых там было около тысячи семейств. Увидевши это войско, мы пошли против них, китайские же войска, видя что по своей силе они не могут справиться с [15] дунганами, бежали. Мусульмане, сознавая, что они находятся в ведении богдыхана, сначала не трогали и не резали китайцев. Но перед заходом солнца в тот же день вторично прибыли китайские войска уже гораздо в большем числе и напали на нас: драка была целую ночь. От испуга женщины и дети дунганские перерезывали себе горло и бросались в колодези; в это время муж не мог управлять своей женой, а жена мужем. 20 числа той же луны дунгане сообщили из одного села другому, чтобы они запасали оружие и собирались по возможности поскорее в одно место. Собралось нас много, мы были в благонадежности и без всякого страха ожидали китайцев. Увидевши такое скопление нашего поиска, китайцы были в страхе и начали собирать с других сторон свои войска. 19 числа пятой луны китайского войска собралось много, началась опять драка и китайцы почти перерезали всех дунган; в живых осталось нас не более двух тысяч человек, а было нас много. Оставшиеся в живых перебежали к своим единоверцам в местность Вычын, где был начальником Мо-че-гунь, дунганский мулла. С восточной стороны великой стены начальником был Дун-мый Ма-янь-ин. В местности, называемой Ван-ди-ша начальником был Ма-сынь-ян — купец. На западной стороне великой стены начальником был Сун-ибо. Еще был начальником Жин-лоу».

«Учитель китайского императора Джин-фий и наш дунганин Мабый лин советовали императору, чтобы две враждующие стороны не были в ссоре. Джин-фий говорил приятно и по-видимому искренно в пользу дунган, но у него в то же время была бумага от богдыхана, в которой было сказано, чтобы не было ни одного дунганина на китайской земле. Увидя такое предписание богдыхана и его печать, приложенную на нем, нам стало ясно, что мы не нужны в китайском государстве, император не принимает нас на своей земле и мы, хитростию заманив, зарезали его учителя Джан-фия, а когда зарезали его, то начали уже резать и всех китайцев; Ма-бый-лина же высекли при всех дунганах и отпустили его домой в Синан-фу, где он вскоре и умер. И с этого времени ежедневно у нас были драки с китайцами до девятой [16] луны того же года, но перебить всех китайцев мы не могли. В этой же луне мы двинулись в северные горы, скитались там около года, есть было нам нечего, с семействами своими поехали дальше до провинции Пхин-лян, остановились около города того же имени, в котором жили наши единоверцы, но вскоре позади нас оказались китайские войска, и у нас опять была с ними драка; убитых дунган оказалось на это время более тысячи человек мущин и женщин. Войска китайского было много, остановить его не было у нас никаких сил и ночью мы бежали, и через два перехода пришли в город Куянь, где также жили дунгане, грабежами и разбоем добывая себе пищу, крали у китайцев лошадей и кочиров (ослов)».

Этой выпиской пока и ограничимся. Так объясняет в своей записке начало восстания и его причины дунганин Ликокуй, один из первых его очевидцев и непосредственный участник во многих стычках и битвах с китайцами.

V.

Теперь послушаем, что другие дунгане говорят об этом же. Все они единодушно отрицают свое участие с тайпингами; они утверждают, что «китайцы первые начали их притеснять; встретят двух-трех наших возчиков и ножом, резкою, которую режут клевер, отрезают им головы, хотя все время мы жили спокойно, первые не трогали их, повиновались им во всем, а за что они стали нас притеснять, мы не знаем». Пусть будет так, будем верить им. Дальше я также буду говорить о восстании словами самих дунган, которых я расспрашивал. Главным виновником, или по крайней мере, одним из главных, они считают вышеупомянутого уже Джян-фия, который убедил богдыхана, что «дунгане народ крайне опасны и ненадежный для китайцев», и, управляя провинцией Синань-фу, Джян-фий, заручившись согласием императора, отдал секретный приказ китайским уездным властям вырезать в одну ночь весь уезд в этой области, населенный дунганами, не исключая женщин и детей, а было нас здесь более 20 тысяч, добавил рассказчик. Река Ю-хо разделяет город Сининь-фу на две части, на [17] правой стороне ее жили дунгане; узнав об этом приказе, несколько наших молодых дунган ночью переправились через реку и сообщили своим об отданном приказании. Поднялась большая тревога и с этого времени началось повсеместное восстание дунган, которое в первые же годы в больших размерах разыгралось в городах Тун-чжу-фу, Вый-вань-сянь, Лин-ту-сянь, Ко-линь-сянь и Сянь-янь-сянь. В этих городах была масса дунган, все они дружно восстали и сошлись в г. Сянь-янь-сянь числом до 30,000 чел., которыми предводительствовали вышеупомянутый Сун-бо или Суй-бо и Эрхо-дзу. Было это во второй луне второго года царствования императора Тун-чжи, т. е. около года от начала восстания. Китайцы, узнав, что мы собрались в большом числе, также переправились через реку Ю-хо и начали в разных частях провинции Синань-фу жечь наши деревни и резать без различия всех дунган; всего вырезали в этой провинции сорок восемь наших деревень; масса дунган все же спаслась, но женщин и детей не спаслось ни одной души. Мы в свою очередь также вырезали много деревень китайских, но их женщин и детей не трогали. Эта резня продолжалась около года и происходила главным образом в двух уездах — Чан-нань-сян и Сянь-янь-сянь. Хотя у дунган и были предводители Эрхо-цзу и Суй-бо, но мы их мало слушались, а действовали небольшими отрядами, стараясь неожиданно нападать на своих врагов. За все это время война у нас шла только с народом; обе стороны дошли до такого взаимного ожесточения, что нельзя было встречаться ни китайцу ни дунганину; все равно в поле или в дороге, но один должен быть зарезан; так оно и бывало на самом деле. Все сделались хуже зверей. Жили же мы только награбленным, заниматься ничем нельзя было. Пришли наконец и правительственные войска, всего до ста тысяч, которыми командовал генерал Шин-гун-бо. Сначала у нас были мелкие стычки, а когда нас собралось до 50 тысяч, то у нас с ними было три больших сражения. Небольшая часть из этого войска убежала, оставшись в живых, а остальных мы перерезали. Первое большое сражение произошло близ г. Лин-ту-сян. Китайские войска, идя [18] из Пекина, напали здесь на нас в первый раз, мы потеряли своих около трех тысяч, а китайцы около тридцати тысяч. Дрались здесь трое суток, день и ночь. Китайцы потому так потеряли много, что у них было неудобное и очень тяжелое оружие: одно ружье, так называемое Тхан-чан, длиною около трех аршин, должны были нести два китайских солдата; ружье это фитильное. Мы же были вооружены пиками, шашками, ножами, т. е. еще пожалуй хуже своих врагов, к палкам привязывали ножи, но, одержав победу, мы отбирали у убитых китайцев лучшее оружие. Второе сражение случилось на р. Ю-хо. Китайцы ночью отправились за углем, который находился на той стороне, где были дунгане; наши пронюхали, и напали на китайцев; хотя они были вооружены, но мы их всех перерезали и сбросили в реку. Услышав, что идет драка, Шун-гун-бо прислал половину своего войска, которой прибыло с восходом солнца и напало на нас. Бились отчаянно, дрались не только на земле, но и на воде: на плотах, лодках и баржах, много людей погибло с той и другой стороны. Воду в реке нельзя было пить, в ней текла не вода, а сплошная кровь. Были жаркие дни, трупы людей на земле и в воде заражали воздух и воду, жить нельзя стало, мы бежали. Третье сражение было близ г. Сянь-янь-сянь. Мы потеряли здесь больше полуторых тысяч людей. — После этого сражения китайский генерал Шин-гун-бо убежал в Пекин с остатками своего войска, где и был повешен. После этих трех больших битв восстание разрасталось все больше и больше, оно перешло и в следующие области: Тун-чжоу-фу и Фун-сян-фу или Фын-сян, но соединиться для совместной борьбы мы не могли, ни под каким видом мы не могли подать друг другу руку помощи; хотя сила дунган и в этих двух провинциях брала перевес над силою китайцев, но все же и нашего народа немало погибло от руки китайцев. Во все области, которые были объяты восстанием, правительство послало свои войска, чтобы одновременно подавить восстание, за исключением области Си-ань-фу, где восстание несколько затихло. Дунгане этой области с полгода прожили спокойно, после того как был повешен Шин-гун-бо». Следует заметить, что все [19] рассказчики дунгане разделяют свою борьбу с китайцами на два периода: сначала у них происходит война с самим китайским народом, а после уже у них идет отчаянная борьба с правительственными войсками и так это повторилось и происходило в каждой местности или области, — где только было восстание.

«В Тун-чжоу-фу дунганские предводители Ма-янь-ин, Ма-сынь-ян, Жин-лоу и Ян-ву-чжи держали между собою совет и решили действовать совместно; хотя главного предводителя между ними не было, который направлял и руководил бы всем этим делом, но войска у них, правда плохо вооруженного, было до 60,000 челов. Первый китайский отряд, посланный правительством в Тун-чжоу-фу, дунгане разбили и командующего им генерала зарезали, но со вторым отрядом, лучше вооруженным и находившимся под командою генерала До-чжянь-чжуна, который привел с собою около 50.000 солдат, нам биться было трудно; с этим отрядом мы в течении полгода сражались раз 20 и дунган за это время было убито около семи тысяч челов. Видя, что наша сила здесь не берет; дунгане, живущие в этой области, послали просить помощи к своим единоверцам в Сининь-фу. Пришло на помощь около 10 тысяч челов., но несмотря на эту помощь, китайцы сильно побили дунган, и прибывшие из Сининь-фу, потерпев поражение и потеряв много своего народа, обратно возвратились к себе домой и все дунгане, живущие в Тун-чжоу-фу и оставшиеся в живых, также ушли в Сининь-фу. Но китайский генерал До-джян-чжун не отставал от нас, а продолжал преследовать и в Сининь-фу и разбил там все отряды дунган и мы бежали в Фын-сян, главные города которого (Боу-чжи-сянь, Чи-сань-сянь, Ли-сянь и Чаянь-сань) были населены дунганами, и которые также восстали. Мы пристали и соединились с этими дунганами, но До-чжя-чжун преследовал нас и причинял нам много вреда, — на наше счастье на пути ему встретился один китайский городок по имени Чжу-у-чжу-цзянь, который заняли Чамоза (киракитайцы). До-чжя-чжунь задумал возвратить городок и наказать чамоза, почему и приступил к осаде его, но чамоза обладали лучшим оружием, нежели китайцы, и один из [20] выстрелов попал До-чжян-чжуну в глаз и убил его наповал, но несмотря на это китайские войска продолжали окружать город, думая держать их в осадном положении и тем принудить к сдаче, но чамоза сделали подкоп и ночью все ушли из города. Первый дунганский предводитель Эрхо-цзу накануне того дня, когда был убит До-чжян-чжун, ночью со своим отрядом предался на сторону китайцем, но несчастный ничего от этого не выиграл, так как всех их и в том числе его самого китайцы казнили; из продавшихся осталось в живых не более двадцати-тридцати человек,» которым удалось бежать.

«После смерти До-чжян-чжуна три отряда китайских войск, которыми предводительствовали Луй-чин-сай, То-чжу-му и Цо-чжу-му, начали преследовать и теснить дунган в Фын-сян-фу. Дунгане сообразили, что бороться с китайцами им уже стало не под силу и бросились бежать в другую провинцию, а именно в Гань-су, где также были дунгане, которые также уже давно резались с китайцами. От Фын-ся-фу до Гань-су шестнадцать переездов, но и здесь уже было много китайского войска, которое постоянно за нами гналось и преследовало нас. Мы не знали в это время покоя ни днем ни ночью, обессилили совсем, сопротивляться мы не могли и нас погибло много не столько от руки китайцев, сколько от голода и холода; отчаяние овладело нами, матери бросали детей, жены мужей и наоборот, пропало нас за это время более двадцати тысяч человек. Это было на четвертом году от начала восстания.

«В провинции Гань-су в городе Пин-лян был управителем дунганин Мусан, в распоряжении которого было около тридцати тысяч, в городе Куянь управляющим был наш же Джан-ахун, у него было до 20,000 чел., в гор. Джин-чжибу управлял дунганин Махуа-лин, который располагал отрядом около 30,000 чел. Этот Махуа-лин был выбран предводителем над всеми дунганами в провинции Гань-су. В городе Нин-ся управителем был Гуй-чжу-чжин и помощником его Маза, у которых в распоряжении находилось до пятидесяти чел. Все это число людей, способных носить оружие, собралось [21] на реке Желтой близ г. Джин-чжибу. Китайские правительственные войска, предводительствуемые вышеупомянутыми генералами Лун-чин-саем, То-чжу-мом и Цо-чжу-мом, продолжали неотступно проследовать нас, сверх того к ним пришли еще новые войска», общее число которых, по словам дунган, будто бы доходило до пяти сот тысяч (??!!), но и наших дунган здесь собралось также немало, численность которых по заверению рассказчиков равнялась не менее двум стам тысячам челов. Здесь-то в течении почти четырех месяцев каждый день беспрерывно происходило сражение и в день по несколько раз; отдохнем немного и опять сражаемся. В общем у нас потеря была около шести тысяч, а у китайцев из сотни осталось не более сорока челов. В это время появилось как у дунган, так и у китайцев хорошее огнестрельное оружие. Дунгане Махуа-лина не вступали в сражение с китайскими войсками, они доставляли нам пищу, провиант для скота, потому что знали хорошо местность, как постоянные жители; случалось, что они заходили в тыл китайцам; все же остальные сражались, но сражались небольшими отрядами или партиями человек по 300 или по 500 не более в каждом, но дрались одновременно в разных местах, бились на большом пространстве, другие же из наших оберегали лагерь и наблюдали, чтобы китайцы нас не окружили. Женщины и дети находились в крепости от Желтой реки верст за восемь. На четвертом месяце, наша сила стала брать перевес и мы погнали китайские войска от Джин-чжибу к Синань-фу, на пути их много погибло от наших рук, за это время нам досталось много оружия, провианта. Начали уже выгонять китайцев и из Синань-фу, но к ним подоспели свежие войска, и они начали нас одолевать; мы не выдержали и побежали обратно в Джин-чжибу, много наших дунган было убито за это короткое время, а тут еще подошли свежие китайские войска, которые привел Лю-шо; мы хотя вступили с ними в сражение, но одолеть их не могли; большой урон был у нас. Много привел войска также китайский генерал-губернатор Цзо-гун-бо и нас стали теснить со всех сторон. Мы бились отчаянию и наша сила начала одолевать, но у нас прекратились запасы хлеба и не стало [22] никакого провианта, не было даже клеверу, который часто ели охотно, скот наш тоже стал пропадать, мы совсем обессилели, терпя большие потери людьми как от китайцев, так и от голода. При том наши предводители стали между собою ссориться, нас не жалели, все лучшее что доставалось от китайцев, они брали себе и мы хотели даже убить Махуа-лина, но он спасся бегством. Видим, что наше дело совсем плохо, мы вторично бежали в Джин-чжибу и в Хэ-чжоу, город Лань-чжуйской области, где жило много дунган и у которых был в обилии провиант. Это было в третьей луне, на седьмом году от начала восстания. Когда мы во второй раз пришли в Джин-чжибу, то Биян-ху уже командовал большим отрядом, с которым он успешно делал набеги на китайцев и причинял им не мало бед, при том у него были запасы хлеба, который он раздавал всем дунганам, не жалея его, и почти все дунгане оставили своих прежних предводителей и пристали к нему». Так рассказывают другие дунгане о своем восстании, его причинах и различных его эпизодах. Численность воюющих сторон, конечно, во многих местах преувеличена рассказчиками, да более или менее точную цифру они и не могли знать, особенно же сил противника; хотя мы не раз их спрашивали и притом различных лиц об одном и том же событии, но в общем и главном показания их согласуются. - Точная хронология событий, понятное дело, также страдает, но при таком массовом беспорядочном движении, охватившем обширный район и которое от начала до конца имело чисто партизанский характер и продолжалось столь долгое время, и многие события которого притом похожи одно на другое, что желаемой точности нельзя и ожидать, но зато все рассказчики указывают точно название города или местности, где происходили более или менее значительные схватки и битвы.

VI.

Из приведенных сведений видно, что восстание дунган началось одновременно в различных областях и имело чисто партизанский характер и таким оно осталось до самого конца. В каждой восставшей провинции и области [23] были отдельные предводители, которые действовали далеко не так дружно между собою, как бы того требовали обстоятельства дела, чем и объясняются неудачи дунган, особенно в первое время, и большие их потери людьми. Лишь один раз, по-видимому, дунгане сошлись в большом числе и действовали довольно дружно — это близ г. и Джин-чжибу, где в течении почти четырех месяцев происходила ежедневная беспрерывная бойня, унесшая массу человеческих жизней с обеих сторон; во все же остальное время дунгане действовали отдельными группами, каждая со своим особым начальником во главе, следовательно за исключением лишь одного, только что упомянутого, случая, в течении шести-семи лет дунгане не представляли между собою чего либо цельного и сплоченного, а это были лишь отдельные банды или дружины, правда дружины храбрые и мужественные в борьбе с своим злейшими противником, но далеко не столь многочисленные, и притом плохо вооруженные, особенно в первое время, почему они и терпели часто поражения. Но вместе с этим еще резче выступает и бросается в глаза слабость и ничтожность китайских войск, которые в самом начале восстания не могли справиться сравнительно с мелкими отрядами взбунтовавшихся дунган и не имевших почти никакого вооружения. По-видимому и дунгане не так скоро и легко поняли причину своей слабости и своих неудач с китайцами. Как дунгане мне передавали, они и сами первоначально не предвидели тех громадных размеров; какие приняло это восстание впоследствии, да они, будто бы, еще и надеялись, что китайское правительство окажется все же милостивым и снисходительным к ним, но, как показало время, в расчете они ошиблись... Но все же ряд неудач заставил их более или менее сплотиться в одно целое; выбор и внимание их остановились на личности Биян-ху, на сторону которого перешло много дунган из различных провинций и ему они вверили свою жизнь и жизнь своих семейств, так как известность и популярность его в это время прочно установились между ними, что сознавал и сам Биян-ху, в чем он и не ошибся. В короткое время около него образовался весьма значительный отряд, слепо послушный его воле, некоторые из [24] отдельных предводителей также пристали к нему со своими небольшими отрядами; последнее обстоятельство еще более увеличило его силу и сделало его имя на долгое время грозным и страшным для китайцев.

С того времени, как Биян-ху вступил в борьбу с китайцами, последние скоро поняли, что они слишком далеко зашли в своей злобе и мести к дунганам и быть может было бы еще не поздно исправить им свою ошибку, но традиционное их тщеславие и самоуверенность не позволяли им сознаться в своей несправедливости, которую они много раз проявляли по отношению к дунганам, и начавшееся, по-видимому, ничтожное и малозначительное восстание вскоре превратилось с обеих сторона в ожесточенную вражду, продолжавшуюся почти два десятка лет и поглотившую с обеих сторон число жертв, только одному Богу известное, и жертвою этой взаимной вражды и ненависти погибло много ни в чем неповинных женщин и детей.

Мы нисколько не преувеличиваем, если скажем, что дунганское восстание, бывшее в 60-70 годах только что минувшего столетия, по своему страшному кровопролитию есть одна из ужасных и мрачных страниц в новейшей истории человечества и тем более страшная, что достаточно удовлетворительных причин для такого кровопролития в настоящее время, когда страсти с обеих сторон несколько успокоились и затихли, сами противники не могут найти и указать. Правда, эта трагедия происходила в глухом, отдаленном и замкнутом уголке земного шара, вдали от цивилизованного мира, куда доносились только слабые и отрывочные отголоски, но это нисколько не умаляет ее позорного значения; за эти два десятка лет обеими сторонами были пролиты целые реки человеческой, крови...

Принявши начальствование над своими единоверцами-дунганами, в Биян-ху проснулся настоящий лев, что скоро увидели самые близорукие китайцы, Человек замечательного ума и непоколебимой воли, смелый и находчивый, он в течении всего своего предводительствования дунганами так жестоко отомстил китайцам, что последние, видя, что ничего не могут с ним сделать, решились [25] прибегнуть к своему старому излюбленному сродству, часто ими в таких случаях ранее практиковавшемуся, а именно: они назначили баснословную цену за его голову, все равно живого или мертвого. Дунгане говорят, что голова Биян-ху была оценена китайцами в двести тысяч лан, что на наши деньги составляет около четырех сот тысяч серебряных рублей, но охотников ни между своими не между чужими не оказалось, никто не соблазнился даже такой через чур богатой и щедрой приманкой. Очевидно, каждый хорошо понимал, что добыть голову Биян-ху не так то легко, и даже всякий китаец, в припадке гнева или страха легко распарывающий сам себе живот и бросавшийся как баран в колодезь, на этот раз более дорожил своею жизнью и никто из них не решился таким путем получить столь богатую награду.

Как бы то ни было, но уже такая, столь необыкновенно высокая цена, назначенная скупыми и бережливыми китайцами, говорит за то, что оцененный ими человек действительно обладал выдающимися способностями и качествами, благодаря которым он навсегда заставил помнить о себе гордых и самоуверенных сынов Поднебесной империи. И в самом деле, сын какого-то простого и неизвестного дунганина, точно неизвестно даже где родившийся и ранее живший, Биян-ху, благодаря только исключительно своему природному уму, своей энергии и поистине сказочной находчивости, сразу стал во главе народного движения, присущее же ему чувство справедливости, ни когда его не оставлявшее, еще ранее покорило и подчинило ему сердца его единоверцев, и вот он становится, предводителем и полновластным властелином многотысячной и грозной толпы, фанатически наэлектризованной, и до мозга костей проникнутою одною только мыслию, одним чувством, а именно: страшною и непримиримою ненавистью к своим злейшим врагам — китайцам. И Биян-ху сам отлично сознавал, какою грозною силою он располагает, поняли это и его противники, но было уже поздно. Действительно, в борьбе с этой, по-видимому, беспорядочной и плохо вооруженной толпой, какую из себя представляли дунгане в первой половине восстания, резко обнаружились слабость китайского правительства и еще [26] большая бездарность и бестолковость его военных чиновников, которым вверено было начальствование над правительственными войсками с целью подавить начавшееся инсуррекционное движение магометан.

Были ли уж очень плохи китайские войска или же совсем никуда негодны генералы, командовавшие ими, решать не будем, но только Биян-ху, в течении всего своего предводительствования дунганами, всегда почти разбивал высылавшиеся против него правительственные войска, которые нередко втрое и вчетверо превосходили численностью его отряды. «Он участвовал в истреблении трех сот тысяч китайцев в городе Нин-ся и в отчаянной защите Су-чжоу и очень насолил в свое время маньчжурскому правительству внутри Китая», пишет о нем знаменитый проф. и академик В. П. Васильев (Китайцы, новые подданные России, В. И. Васильева, «Восточное Обозрение» 1884 года, № 2.). Постоянные удачи и успехи настолько придали смелости и отваги Биян-ху, что он решается, как уверяли дунгане, идти на самую столицу китайцев — Пекин, но не дойдя нескольких десятков верст (Последнее обстоятельство навряд ли заслуживает доверия.), останавливается и возвращается обратно, когда увидел невозможность легко и скоро взять ее со своими войсками. Весьма часто со своими летучими отрядами Биян-ху показывался там, где его менее всего ждали китайцы, почему уже одним своим неожиданным появлением он наводил панический страх и ужас на своих врагов. Дунгане утверждают также, что Биян-ху был великодушнее, нежели его враги: он раз навсегда приказал щадить китайских женщин и детей и строго следил за исполнением этого приказания, а в случае нарушения такового также строго взыскивал с виновных; противники же дунган — китайцы, с одинаковою жестокостью и беспощадностью, истребляли и умерщвляли не только стариков и женщин дунганских, но даже и грудных детей. Зная эту черту своих врагов, Биян-ху нередко, даже в самом разгаре битвы, заботился, прежде всего, удалить в безопасное место своих слабосильных стариков и женщин с детьми и обеспечить их всем необходимым. Эта черта в характере Биян-ху много [27] способствовала его популярности между дунганами и создала ему среди них горячих приверженцев, а великодушие его к невинным и беззащитным жертвам противников их заслужило ему глубокое уважение не только между своими единоверцами, но и между злейшими его врагами.

В каждой битве и схватке Биян-ху был всегда впереди, воодушевляя всех своим примером, и он постоянно появлялся там, где его отряду угрожали наибольшая опасность и весьма часто уже одно неожиданное его появление, среди ослабевающих в неравном бою его единоверцев, решало битву в пользу дунган, несмотря даже на гораздо большую численность неприятельских сил. На свои раны, которых было, по словам его сына, более двадцати, он никогда не обращал внимания, как бы ни была они тяжелы и опасны. Правда, в одном деле под Си-нинь-фу он был сильно ранен, так что только полная невозможность заставила его отказаться от личного руководства делами, и он принужден быль лечь в постель, но и слабый, полуживой, истощенный опасным кровотечением, он не переставал руководить сражением, и благодаря его советам, была выиграна крупная победа. Как известно, людям необыкновенным все идет к лицу, им все в меру и в пору, и что простых смертных и обыкновенных безобразит и уродует, то людей выдающихся только более красит и тем выделяет их от прочей заурядной толпы. Так, на лице у Биян-ху было девять или десять ран, идущих в различных направлениях, и эти раны не только не уродовали и не безобразили его лица, но придавали последнему более мужественный и симпатичный вид, они даже как то шли к его лицу, и такое впечатление он производил не только на своих, но и на русских, которые имели случай видеть его неоднократно, как то нам приходилось слышать много раз. Первым Биян-ху бросался в сражение и последним оставлял его.

И вот, Биян-ху, не славящийся ни богатством, ни знатностью рода, делается народным героем. Дунгане его любят и боготворят, хотя в то же время и боятся, а среди китайцев имя его сделалось синонимом ужаса и ненависти, и китаянки-матери, говорю это ни сколько не [28] преувеличивая, долго еще будут пугать своих детой именем Биян-ху. И странное дело, прошло уже около восемнадцати лет, как умер знаменитый дунганский вождь; но китайцы и в настоящее время едва верят этому и даже с большим трудом допускают мысль о его смерти, так кажется его призрак грозным и живучим, что только одно очень продолжительное время может сообщить им твердую и непоколебимую уверенность в смерти талантливого и грозного вождя дунган, да и эта приятная уверенность, как дорогое и давно ожидаемое с большим нетерпением наследство, достанется в удел и перейдет скорее к их потомкам, нежели к остающимся еще в живых его современникам. Очевидно, что всегда и везде, - время есть лучший и более надежный врач.

Память о Биян-ху долго-долго будет жить и среди самих дунган; о нем сложились у них целые легенды и сказки, и в длинные зимние вечера старики передают молодым много рассказов про его славные подвиги и смелые набеги на китайцев, а дунганки-матери, убаюкивая детей, воспевают его в монотонных колыбельных песнях. Следует сказать, что место погребения Биян-ху, как и всякого легендарного героя древности, неизвестно и самим дунганам, за исключением только весьма немногих из них, а именно только тех, которые при его жизни были наиболее к нему близки и пользовались особенным его расположением и любовью. Говорят, что сделано это дунганами с тою целию, что бы «китайцы, домогавшиеся, по словам проф. В. П. Васильева, выдачи Биян-ху со скрежетом зубов, не подослали кого либо и не вырыли бы из могилы прах дорогого и незабвенного их вождя. А такие попытки со стороны китайцев действительно были делаемы, и при том это было неоднократно. Потерпев полное и решительное фиаско добиться своего варварского требования оффициальным путем, китайцы задумали было достигнуть этого тайными способами и средствами, для чего не раз подсылали своих лазутчиков и шпионов с целию добыть труп Биян-ху из могилы. Но всякий раз подобные их попытки заранее предугадывались и разузнавались нашими властями, и все эти господа, имевшие дерзость и нахальство являться открыто или тайно с такими [29] поручениями от своего правительства, были немедленно, со стыдом и позором, выпроваживаемы обратно туда же, откуда пришли. Дунгане, пришедшие к нам из Китая, и не порвавшие еще связи с недавней родиной, зорко следили за всяким китайцем, прибывавшим в Семиречье, разузнавали о целях, с которыми они прибывали, и давали знать своевременно об этом ближайшим нашим властям, которые и принимали надлежащие меры Что такие попытки так или иначе добыть труп Биян-ху действительно были со стороны китайцев, это подтверждает, не раз уже цитированный нами, покойный проф. В. П. Васильев, который один из немногих быть может во всей Европе всю свою долгую жизнь с живым интересом, зорко и неусыпно, следил за всем происходившим в Китае. Так он пишет; «к чести нашей дипломатии должно сказать, что на этот раз мы не поступили с Биян-ху так, как некогда с Амурсаной».

(Loc. cit. Амурсана был Цзюнгарский князь, переманенный китайцами обещанием, что они сделают его, по завоевании Цзюнгарии, ханом в ней. — Но когда по занятии в 1756 году китайцами Кульджи, они не думали исполнить своего обещания, Амурсана поднял бунт, разбитый бежал к киргизам и оттуда пробрался в Россию. Китайцы стали настоятельно, с угрозами, требовать его выдачи и мы не знали, как от них отделаться. К счастью, будто бы, Амурсана нечаянно утонул. Китайцы не удовольствовались нашим извещением о его смерти, они потребовали, чтобы мы выслали им его труп в Кяхту, и мы покорно исполнили такое варварское требование. Примеч. проф. Васильева.)

Приводимые мною неоднократно, выше и сейчас, слова такого компетентного ученого и знатока истории Востока, каким был покойный проф. В. П. Васильев, служат подтверждением только что сказанного, а также и того, что, говоря о личности Биян-ху, его роли и значении в дунганском восстании, мы нисколько не преувеличили и не прикрасили его, как то могли бы иные подумать. Все сообщаемое здесь собрано путем тщательных и продолжительных расспросов как от русских, которые его знали, так и от дунган, а частию также и от приезжавших сюда китайцев. Не говоря уже о самих Дунганах, но и расспрашиваемые нами китайцы, еще совсем недавние заклятые враги последних, отдавали должное выдающимся качествам Биян-ху, его уму и способностям, несмотря на то, что еще немного прошло времени, когда он им [30] жестоко мстил; впоследствии в среде самих дунган также немало образовалось злых врагов Биян-ху, и пожалуй еще более злых и

ожесточенных, нежели каковыми были китайцы, но все они отдавали должное своему бывшему предводителю; мы же одинаково спокойно и внимательно выслушивали как его горячих приверженцев, так и непримиримых его противников, почему и сообщая все здесь вышесказанное, мы старались держаться насколько возможно ближе к действительности и быть по возможности точными как в описании передаваемых фактов и событий, так и в характеристике отдельных личностей.

VII.

Дела дунган под предводительством Биян-ху пошли гораздо успешнее: они одержали над китайцами несколько блестящих побед одна за другою, отняв у них множество всевозможного оружия, скота и съестных припасов. Оружие для дунган было особенно необходимо, так как у них с самого начала ощущался в нем большой недостаток; хотя и было кое-какое оружие, но оно было настолько примитивное и жалкое, что едва заслуживало такого названия; если же дунгане и с таким ничтожным оружием одерживали во многих случаях над китайцами верх, то благодаря лишь исключительно своему личному мужеству, своей смелости и быстроте, с которыми они нападали на своих врагов, а эти качества зависели между прочим и от того, что по физическому своему развитию, а следовательно крепости и выносливости дунгане значительно превосходят китайцев. Дунгане не курят опия, анаши, не пьют никаких спиртных напитков, т. е. не употребляют тех страшных ядов, которые быстро и в корень подтачивают организм, истощая его силы, и к которым так привержены китайцы.

Теперь мы опять обратимся к записке дунганина Лико-куя, простой эпический рассказ которого своею безыскусственностию и правдивостию передает лучше и точнее события:

«Пробывши немного в Куяне, мы вернулись обратно в свои родные места, посмотреть, что там осталось, и прожили спокойно около полутора года; слышим, идут [31] китайские войска, хорошо вооруженные новыми ружьями, и мы, приготовившись, вышли им на встречу. Первое сражение под предводительством Биян-ху произошло близ уездного города Чжи-нинь-сянь, где мы и нашли китайцев; нас было всего около восьми тысяч, но Биян-ху взял с собою только пять тысяч человек. Подошедши к этому городу, мы окружили его; Биян-ху первый полез по лестнице на крепость, мы все последовали его примеру; китайцы этого не ожидали и растерялись, и мы одержали блестящую победу. Немного здесь спаслось китайцев; благодаря этой победе, нам досталось много провианта, скота и имущества, дела наши поправились, мы ожили духом, и вернулись на стоянку в местность Цзу-цзы-вень, где оставались наши жены и дети. Здесь мы прожили два года. Это было в провинции Шень-си, в области Сининь-фу. Слышим, опять пришли китайские войска из Чжи-нинь-сянь; поправив эту крепость, они вновь напали на нас. Но Биян-ху сделал хорошее распоряжение и победа наша была полная; на этот раз мы китайского войска не преследовали, потери их и без того были велики: из десяти тысяч пришедших, их осталось только половина, нас же погибло всего около трехсот человек. Вскоре, как произошла эта битва, из Лан-чжоу пришел генерал Цзу-гунь-бо, который привел 100 лянз солдат; увидев такое множество войска, мы бежали в Джин-чжибу внутрь великой стены; нас тянуло к Махуа-лину, как к магниту, у которого было много провианта. Опять нагрянуло китайское войско в числе 20,000 человек. Впереди преграждала путь Желтая река, а сзади настигало китайское войско, положение было безвыходное, необходимо было драться, вступили в бой, дрались отчаянно и с ожесточением, перебили десять тысяча, китайцев, и нам досталось много оружия и скота Это было в начале 1868 года. Пошли обратно в город Куянь, прожили здесь не более 8-9 месяцев. Китайский чиновник Луи-чин-цей пригласил наиболее почетных дунган к себе и упрашивал их о смирении и покорности. «Я вам буду давать муку и прочих съестных припасов» говорил он, и действительно выдал нам несколько сот пудов муки, но в муке этой была отрава, от которой умерло наших [32] более трехсот человек. После этого случая у нас не было уже никакого доверия к китайцам и мы более не входили с ними ни в какие переговоры. Видя, что дело плохо, небольшая часть наших отправилась в Джин-чжибу, а большая часть, около 3/4 всего народа - в Хеч-жоу. За теми, которые направились в Джинь-чжибу, погнался с войском Цзу-гунь-бо, он думала, что здесь находится Биян-ху, и, настигнув, окружил этот отряд со всех сторон. Есть было нечего им, часть нашего народа из этого отряда умерла от голода, а большая часть была вырезана китайцами. В это время один из наших предводителей, дунганин, по имени Ю-янь-лу, с тремя тысячами человек своего отряда предался на сторону китайцев, прельстившись их заманчивыми обещаниями, но они почти всех их вырезали и первым зарезали самого Ю-янь-лу; немногие спаслись из этого числа. Оставшиеся в живых все направились в Хеч-жоу, куда вперед прошел Биян-ху; по дороге к идущим присоединилось много дунган из других областей и уездов, китайцы преследовали их по пятам, и им приходилось совсем плохо, но на выручку неожиданно явился Биян-ху, и по пути следования наши семь раз сражались со своими врагами... сила дунган превышала силу китайцев и мы их за это короткое время перерезали более четырех тысяч человек. Пришли наконец в Хэ-чжоу.

Хэч-жоу — город большой, населенный большею частию дунганами, которых здесь насчитывалось до ста тысяч человек, хотя по мало здесь жило и китайцев. Управителем этого города был наш же дунганин Ма-чань-ю, и, с приходом сюда отряда Биян-ху, мы совсем завладели этим городом. Здешние дунгане все были вооружены хорошими ружьями. Когда мы сюда пришли, то все уже окрестности были опустошены, мы жили здесь около шести месяцев частию в городе, а частию в его окрестностях. Во второй луне 1871 года пришел сюда опять генерал Цзу-гунь-бо со своими войсками. На реке Ди-до-хо произошло сражение; по одну ее сторону стоял Мо-чань-ю, а по другую — Цзу-гунь-бо. Мо-чань-ю не выходил из крепости, а сделал в ней амбразуры, из которых он и стрелял, почему убытка в людях у него не было, [33] напротив, китайцы потерпели большой урон, почему и должны были отступить. Другой отряд дунган зашел в тыл китайцам. Но с Ма-чань-ю случилось несчастие, — ум его помутился, иначе мы не можем объяснить себе этого, — после того как он так решительно разбил китайцев, какой-то важный ихний сановник уговорил Ма-чань-ю предаться на сторону китайцев, что он и сделал, а также и многие из его отряда, но из предавшихся немногие остались в живых. Услышав же, что Ма-чань-ю предался на сторону наших врагов, мы бежали в гор. Хун-фэй, где дунган не было, но Биян-ху не смущало это обстоятельство, так как у него образовался большой отряд, всего около сорока тысяч человек; хотя здесь и произошло большое сражение, но потерь людьми у нас не было... Мы китайцев загнали в город, и так как их осталось мало, то мы прошли мимо стен этого города и они нас не тронули. Вскоре после этого случая командующий китайскими войсками призвал нашего знатного дунганина Лю-эр-сы-фу, чтобы примирить обе враждующие стороны, но мы уже более не верили нашим врагам. Отсюда отправились в Кань-чжу, город Ганьсуйской провинции; подходя к нему, нас встретила китайская кавалерия, но она на нас не нападала, так как нас было много... Пробыв здесь немного времени и отняв у китайцев много провианта, скота и награбив массу разных дорогих вещей, мы отправились в провинцию Сининь-фу, на выручку своих дунган, — так распорядился Биян-ху, — но здесь со всех сторон нас окружили китайские войска; пять раз происходило большое сражение и китайцы не могли одолеть дунган, но на шестой раз их сила преодолела нашу силу... и погибло нас много... С обеих сторон пролились целые потоки человеческой крови.

«В это время Биян-ху призвал отдельных командиров из среды дунган и сказал: "надобно идти за великую стену в Кашгар, и если здесь не найдем спокойствия, то пойдем в Россию, и будем просить Русского Царя, чтобы он нас принял к себе". Двинулись.

«Дорога предстояла длинная и трудная; есть как людям, так и скотине было нечего. В дороге этой мы потеряли много людей и скота от голода. Народ начал [34] роптать. Направились в округ Сю-чжю, к городу того же имени, в котором жили одни дунгане, но в окружности его во множестве были китайцы и их войска, которые со всех сторон окружили г. Сю-чжю, намереваясь вырезать всех в нем живущих дунган. - Мы остановились от Сю-чжю в 40 ли в селении Тарвань, оставили здесь часть своего народа с женами и детьми, а большая часть нашего отряда отправилась для освобождения осажденных в Сю-чжю. Китайскими войсками предводительствовал ихний дзянь-дзюнь. Было небольшое сражение, но города освободить мы не могли и хотя сила наша не могла одолеть силы китайцев, но все же около половины мы выручили своих единоверцев. — Отойдя от города на 10 ли, мы простояли здесь одну ночь, на рассвете более 15 тысяч китайского войска нарушило наше спокойствие. Солнце поднялось только более сажени, а мы потеряли более 7000 чел., считая в том числе женщин, стариков и детей; а у китайцев оказалось убитыми более 2000 челов. После этого направились мы в китайский город Джа-ю-гуань, разрушили этот город и двинулись далее в Сач-жу; нет съестных припасов для людей и скота, остановились. Ели клевер, кору деревьев и траву невредную для здоровья человека. В Сач-жу оказалось три китайских отряда войск, каждый из них находился под командою своего особого предводителя, а именно: Ху-да-жина, Джи-да-жина и Ма-да-жина. Всего у них было около восьми тысяч войска. Голодные, изнуренные, бежать вперед мы не имели сил, нужно было драться, вступили в бой. Сражались три дня, но хотя большого урона ни у нас ни у китайцев не было за это время, но мы их победить не могли, и отступили. Отдохнувши немного, Биян-ху сделал распоряжение, чтобы все, кто ни есть, поголовно, окружили крепость Сач-жу с тем, чтобы взять ее, чего бы это нам ни стало. Когда мы окружили, китайцы увидели, что их дела плохи и хотели бежать, но Биян-ху у каждых ворог поставил надежную стражу, и всякий, кто только подходил, того схватывали и убивали. Два китайских начальника Ма-да-жин и Джи-да-жин успели каким-то чудом скрыться, а Ху-да-жина мы поймали и оставили в живых. Скрывшиеся прислали узнать, убили ли мы Ху-да-жина или нет, мы [35] отвечали им, что не убили; узнав об этом, они просили отпустить его, обещаясь, за это прислать нам провианта и фуража. Мы так и сделали: отпустили им Ху-да-жина, и они действительно прислали нам много провианта и фуража, который мы и роздали своему народу, наказав по возможности пользоваться им аккуратно и бережливо. Подкрепив свои силы, мы опять вступили в битву со своими противниками и в конце концов выгнали китайцев из Сач-жу и заняли этот город, при взятии которого мы перерезали более двух тысяч человек, а наших пропало более тысячи. Нам досталось большое количество съестных припасов и наш народ восторжествовал, радуясь этому. Китайцы, боясь, что их всех перережут, испугались, все побросали и убежали из всех сел и деревень, прилегающих к Сач-жу. В Сач-жу мы прожили четыре месяца и, посеянный китайцами, хлеб весь собрали. Пошли в Хами, где есть большой город того же названия. В Хами управлял гражданский чиновник Вын-чи-сей, а войсками этой области управляли отдельно два предводителя: Чжань-да-жин и Вый-ту-лин, которые выступили против нас с восьмитысячным отрядом. Сначала мы не знали, на что решиться и что предпринять, но потом сообразили — что нас много, и Биян-ху приказал в одну ночь вырыть побольше землянок, в которых большая часть нас к утру и скрылась. Китайцы же, увидев, что нас мало, кинулись на нас и таким образом очутились в средине между нами. Произошла большая резня. Вый-ту-лина мы живым захватили в плен, а Чжань-да-жин был убит, тело которого мы передали Вый-ту-лину. При этой драке было убито более тысячи китайцев. Нам досталось более 700 лошадей и много съестных припасов, наши обрадовались. В это время Якуб-бек стал звать дунган к себе, мы двинулись в Турфан и предались на его сторону. По приказанию Якуб-бека мы перешли в Урумчи (или что тоже Ху-ме-зы), прожили здесь около трех лет, занимаясь хлебопашеством и торговлей. Услышали вновь, что китайцы набегают на нас. Слухи были такие, что в Джин-чжибу, Мин-чжу, Синине и Хэч-жоу китайцы режут дунган, половину вырезали, а половина еще осталась. Мы узнали, что на Кашгар идет Люшо и Джянь-дзя-дзюнь с большим [36] числом войска. Узнан, что китайцы идут на Урумчи, Биян-ху послал гонца к Якуб-беку спросить, можно ли нам драться с китайцами. Якуб-бек дал на это свое согласие, он также выступил с своими войсками против наших врагов и даже прислал нам для подкрепления свою конницу, но пользы от нее мы не видели, так как она стояла неподвижно и только смотрела за своими лошадьми. Войска Якуб-бека вступили в битву с китайскими войсками, произошло большое сражение, дрались несколько раз, мы увидели, что войска Якуб-бека не в силах бороться с китайцами, почему мы бросили их и ушли в Кашгар. В Гунди (от Урумчи верст 15-20) много было убито дунган большого, и малого возраста (не менее 5-6 тысяч). Услышавши это, народ дунганский сильно перепугался, некоторые перебежали в Токсун, где получили сведение, что и Манас занят китайцами; сколько было там убито, неизвестно, но от испуга этого и от голода умерло более 1000 человек. В это время два дунганина перебежали из китайского лагеря и сообщили нам, что в Джян-чжибу, Манасе, Куяне, Сюч-жу и других местах китайцы вырезали всех дунган. На нас напал большой страх. Войска Якуб-бека были совсем разбиты. Дарын Люшо преследовал как их, так и нас, и быстро прибыл в город Кашгар, где истребил много всякого народа, в том числе и наших. В то время, как Люшо занял Кашгар, Якуб-бек был в городе Корл. Узнав о том, что китайцы заняли его владения, у него на душе заскребли кошки. Не знаем, от этого ли горя или от чего другого, он выпил какую то отраву и умер Якуб-бек. Часть Якуб-бековых войск направилась по направлению к Андижану, другая часть вместе с китайцами, которыми предводительствовал Люшо, неотступно преследовала нас. Из Кашгара мы бежали в Россию по дороге в Нарын. Наши враги догнали нас, когда мы проходили ущелье Чак-мак. Было очень холодное время года, ущелье тесное, узкое, вырваться некуда было, и в одном этом месте погибло дунган от китайцев и кашгарцев не менее трех четвертей, а другие утверждают, что здесь наших легло девять десятых всего, быть может и так, ошибки тут большой не будет. Мы, [37] дунгане, впереди, войска Якуб-бека сзади нас, а сзади их китайцы. Есть было совсем нечего, грабеж был в это время сильный, где только возможно было, мы везде грабили. День и ночь мы ехали без отдыху, много за это время погибло наших от голода и холода, а Люшо не отставал и все преследовал нас до самой русской границы!... На Таш-Рабате, было много снегу, во время перехода через этот перевал застал буран и масса народа погибло. Раненые во время Чакмакской свалки сильно стонали. Киргизы отставших наших женщин и детей, выбившихся из сил стариков по дороге подбирали и после доставляли нам, чем не мало они спасли народа нашего, но немало из них было и таких, которые, воспользовавшись нашим затруднительным положением, забрали себе наших жен и детей, и так они у них остались навсегда. 27 декабря 1877 года мы пришли в укрепление Нарын, где у нас отобрали оружие. Мы воскресли и остались живы только по милости Великого Русского Царя». Этими словами дунганин Ли-ко-куй и заканчивает свои записки.

Да простят мне, что я несколько долго остановился на восстании дунган и их жизни в течении этого времени внутри Китая. Я желал только побольше представить фактов, чтобы можно было судить о том тяжелом и безвыходном положении, в котором находились дунгане в течении столь продолжительного времени. Понятное дело, что при таких ненормальных условиях жизни духовные и физические силы как отдельного человека, так и целого народа доходят до крайней степени напряжения и истощения. Ненависть и злоба, ослепляя и ожесточая человека, являются одним из сильных ослабляющих и изнуряющих факторов в его жизни, будь это дикарь или высокообразованный и развитой человек. Так было и с дунганами. Доведенные до крайней степени бедственного положения несправедливым к себе отношением своего правительства, не видя в будущем надежды на лучшую жизнь и не имея больше сил бороться и противустоять своим врагам,

они вынуждены были искать себе другого отечества, другой страны, где можно было бы спокойно жить и трудиться и естественно, что взоры их обратились **[38]** на Россию. Но остановимся еще немного на восстании дунган за второй период его и сделаем краткую характеристику самих дунган.

Текст воспроизведен по изданию: Последний эпизод дунганского восстания (Маленькая страница из прошлой жизни Семиречья) // Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области на 1901 год. Семиреченский областной статистический комитет. Верный. 1901

© текст - Поярков Ф. 1901
© сетевая версия - Thietmar. 2023
© OCR - Иванов А. 2023
© дизайн - Войтехович А. 2001
© Семиреченский областной статистический комитет. 1901